

Съ развѣдчиками 30-го полка по Урянхайскому краю и Монголіи.

(Дневникъ начальника команды развѣдчиковъ 30-го Сиб. стрѣлк. полка).

(Продолженіе ¹⁾).

Глава IV.

Какъ снѣжный комъ, сорвавшись съ вершины горы, все растеть и увеличивается и превращается, наконецъ, въ страшную лавину, все сметающую на своемъ пути, такъ и вѣсть о появленіи русскаго отряда далекимъ отголоскомъ разнеслась по всѣмъ кишлакамъ Урянхайской земли, приняла необычайные, фантастическіе размѣры, дошла до Улясутая и грознымъ предостереженіемъ прозвучала въ самомъ Пекинѣ.

Въ мистически настроенной душѣ азгата легко пробуждается воображеніе. Не анализируя факты, не разбираясь въ причинной связи событій, онъ склоненъ во всѣхъ поражающихъ его умъ явленіяхъ видѣть вмѣшательство высшей, сверхъестественной силы. Такъ и въ данномъ случаѣ появленіе вооруженнаго русскаго отряда среди глубокой зимы, быстрыя и рѣшительныя его дѣйствія, вызвали самыя сумбурныя толки среди урянховъ и монголовъ.

Съѣхавшіеся въ Усть-Усинскомъ кунцы рассказывали о впечатлѣніи, произведенномъ дѣйствіями нашей малочисленной команды. Вездѣ, на Хамсарѣ, у Тодусинскихъ сойотъ, на Самгалтаѣ и дальше, за хребтомъ, даже вдоль Чуйскаго тракта, въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ и кочевьяхъ сѣверо-западной Монголіи, прогремѣла

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 6.

страшная вѣсть о приходѣ тысячнаго русскаго войска, жестоко расправляющагося съ непокорнымъ населеніемъ. Съ суевѣрнымъ страхомъ говорили по уртопамъ, что «церики», «орусь солданы», хотя и дѣшіе, но словно летаютъ по горамъ, не зная усталости, и днемъ и ночью, что отъ звука ихъ выстрѣловъ сотрясаются горы и трескаются камни.

Стало извѣстно, что изъ Улясутая спѣшно выѣхалъ самъ дзюрганъ съ большой свитой; на уртопахъ (почтовыхъ станціяхъ) уже стоятся сотни лошадей и верблюдовъ; торопится онъ, чтобы заблаговременно попасть на Кемчикъ и лично принести извиненіе большому русскому начальнику, пойону По-по-фу.

Начальникъ отряда совершенно правильно оцѣнилъ психологическое значеніе момента и, желая использовать создавшееся положеніе вещей, рѣшилъ послать меня, съ соответствующимъ конвоемъ, конечно, на Джеуанъ. Оффиціальной цѣлью моей миссіи была передача дзюргану письма, надъ составленіемъ котораго такъ кропотливо и проникновенно работалъ почтеннѣйшій переводчикъ Щелкуновъ.

Въ письмѣ были изложены причины тѣхъ событій, которыя повлекли за собой вмѣшательство вооруженной силы, нарушеніе традиціонныхъ добрососѣдскихъ отношеній между русскими и подданными Дайцинской имперіи, рядъ дерзкихъ выходокъ со стороны Ухерибы Хейдубы и грубое попирательство ими самыхъ элементарныхъ правилъ международныхъ обычаевъ. Не допуская, конечно, и мысли о томъ, что таковыя дѣйствія могли быть внушены Хейдубѣ китайской властью, полковникъ Поповъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ увѣренность, что дзюрганъ, какъ высшій представитель государственной власти въ краѣ, найдетъ нужнымъ обуздать зазнавашагося князя, уладить все недоразумѣнія, а виновныхъ накажетъ по всей строгости законовъ.

Мнѣ было внушено держать себя по отношенію къ дзюргану корректно. Появленіе на Джеуанѣ, въ самой ставкѣ урянхайскаго князя русскаго вооруженнаго отряда, конечно, до нѣкоторой степени выходило изъ рамокъ оффиціального мирнаго визита, но согласно даннымъ мнѣ указаніямъ, сущность дѣла заключалась не въ передать дзюргану документа, а въ томъ, чтобы произвести достойное «потрясающее» впечатлѣніе на главнаго виновника всего инцидента, на самого Хейдубу.

Въ ясный морозный день день мы двинулись въ путь по Енисею, теперь уже не пѣшкомъ, а въ саняхъ, нанятыхъ у жителей Усть-Усинскаго поселка.

Легко скользили полозья по гладкому льду. Миновавъ разрушенное зимовье, уже знакомое намъ устье Ургуни, мы къ вечеру были на Боли-Кемчикѣ. Такъ называется урочище, гдѣ Кемчикъ—самая многоводная рѣка Урянхайскаго края, сливается съ Енисеемъ. Крутымъ поворотомъ, горы праваго берега отходятъ далеко на западъ. Возвышенности противоположнаго ската гораздо ниже, и вершины ихъ, съ рѣзкими очертаніями, глубокими складками и впадинами, уже носятъ иной характеръ. Такъ же онѣ отвѣсной стѣной сдавили русло рѣки, но скаты ихъ безлѣсны, только въ глубокихъ ущельяхъ виднѣются рѣдкія лиственницы и заросли мелкихъ кустовъ.

Устье Кемчика не широкое—саженей 20, не больше. Галечные наносы рѣчной долины изрѣзаны глубокими протоками. Подъ слоємъ снѣга трудно опредѣлить настоящее русло рѣки.

На невысокой береговой терасѣ выстроено довольно обширное зимовье съ окнами, желѣзной печкой, нарами вдоль проконопаченныхъ стѣнъ. Въ двухъ верстахъ отъ зимовья, на лѣвомъ берегу рѣки находится неизвѣстно когда и кѣмъ насыпанная груда камней, вышиной въ 3 аршина—это и есть пограничный знакъ № 23.

Недавно, лѣтомъ 1909 года, инженеръ Розевичъ, командированный для изслѣдованія пороговъ Енисея, счелъ своимъ долгомъ «освѣжить» сомнительный пограничный знакъ и воткнулъ въ груду камней обтесанную лѣсину съ соотвѣтствующей надписью.

Господинъ водяной инженеръ, авторъ ученаго изслѣдованія объ Урянхайскомъ краѣ поступилъ въ данномъ случаѣ весьма опрометчиво. Не имѣя какихъ либо основаній, или полномочій, Розевичъ пошелъ по стопамъ блаженной памяти сержанта Тетерева, который въ 1776 году по недомыслию и незнанію протянулъ пограничную черту къ водораздѣлу Саянскаго хребта. Несомнѣнно что вмѣшиваясь не въ свое дѣло, Розевичъ только вызвалъ и укрѣпилъ у урянховъ убѣжденіе, что вопросъ о границѣ зависитъ отъ усмотрѣнія любого дусанги, или туслакчи—стоитъ только развалить старую кучу камней и насыпать въ другомъ мѣстѣ груду, только повыше.

Такъ они и поступили въ 1909 году, послѣ отъѣзда инженера.

Къ вопросу о пограничныхъ знакахъ, по спорной линіи вдоль Саянскаго хребта и по утерянной нами, согласно подлинной редакціи Буринскаго трактата 1728 года, я еще вернусь впоследствии.

Теперь продолжу рассказъ о выполненіи возложенной на меня миссіи.

Въ нижнемъ своемъ теченіи Кемчикъ извилистой, глубокой до-

линой пересѣкаетъ тѣ отроги горъ, которые связываютъ Саянскій хребетъ съ Таинь-Ула. Мѣстами русло рѣки извивается самымъ причудливымъ образомъ; высоко надъ головой закрывая селнце, нависли кручи береговыхъ утесовъ. Въ отвѣсныхъ разрѣзахъ выступали напластованія самыхъ разнообразныхъ горныхъ породъ— темные порфириты чередуются съ выходами краснаго песчаника, яркіе сланцы прорываются кварцевыми прослойками. Встрѣчаются мощные выходы зелено-каменныхъ породъ, содержащихъ цѣнный асбестъ. Порода эта легко вывѣтривается, обнаруживая блестящія полоски асбестовыхъ волоконъ.

На привалахъ мы выбирались изъ узкаго рѣчного корридора и цѣпляясь за острые выступы скалъ и нависшія вѣтви лиственницъ, поднимались вверхъ на утесъ, чтобы окинуть взоромъ Кемчикскую долину. На западѣ раскинулась величавой панорамой цѣпь угрюмыхъ лѣсистыхъ горъ.

Точно смѣлой кистью художника набросаны темноснѣгія очертанія далекихъ вершинъ. Темными мазками намѣчены прорывы притоковъ Кемчика, Большого и Малаго Ишъ-Кема. Уходящія въ голубую высь снѣговья вершины ослѣпительно сверкаютъ въ лучахъ зимняго солнца. Какъ рядъ сказочныхъ богатырей-великановъ раскинулись онѣ отъ истоковъ Енисея къ мрачнымъ громадамъ Сайлюгема, къ сіяющимъ въ ледяной діадемѣ вершинамъ Бѣлуги.

Прошли, промелькнули, какъ сонъ, тысячелѣтія!

И какъ въ первые, туманные дни зарожденія міра стоятъ и теперь горные исполины, неподвижно, молчаливо, какъ вѣрные стражи надъ невѣдомыми долинами съ мягкой муравой съ весело журчащими рѣчками.

Это здѣсь съ незапамятныхъ временъ привольно жили мирные кочевники. И отблескъ далекихъ зарницъ и загадочное мерцаніе полуночныхъ звѣздъ вызвало въ душѣ ихъ тоску и стремленіе къ небывалому, къ невиданному, къ славѣ и подвигамъ. Быстрые, какъ дзерены, хищные, какъ волки степные, собрались они ордой вокругъ кровавыхъ стяговъ Чингисъ-хана.

Покинули они родныя горы и пошли въ даль безконечную, пока вершины снѣжныя не скрылись за краемъ небосклона.

Кровавымъ заревомъ вспыхнула вся Азія.

Рати «пестрой лани и сѣраго волка» неудержимой волной пронесли надъ древней культурой Китая, Бухары, Ирана. Мелькали передъ побѣдителями искаженные страхомъ лица побѣжденныхъ, надъ городами выше узорныхъ башенъ взвивались клубы дыма и языки пламени.

Поль міра затрепетало ужасомъ смерти передъ именами Тамерлана, Батыя, Хубилая, Куюка.

«Я судья Божій!»—гордо заявлялъ Куюкъ-ханъ послу римскаго первосвященника: «я могу васъ предать смерти, если не покоритесь мнѣ. А доказательство, что такое право дано мнѣ свыше самимъ Богомъ—это то, что я имѣю силу привести свою угрозу въ исполненіе».

А теперь лишь одинокіе могильные курганы, да вывѣтрившіеся камни съ загадочными уйгурскими надписями, свидѣтельствуютъ о далекомъ прошломъ. Еще сохранилась высокая, прямая, какъ стрѣла, насыпь колесной дороги отъ Джедало на Джакуло, устроенная, какъ гласитъ сойотское преданіе, по ярлыку (повелѣнію) самого Чингизъ-хана.

Выродились, зачахли потомки славныхъ воиновъ Батыя, Хубилая.

Кое-гдѣ, въ скрытой отъ взоровъ лощинѣ, или въ глубинѣ тополевой рѣци, чернѣютъ кошемныя юрты. Тоненькая струйка дыма незамѣтно расплывается въ морозномъ воздухѣ. На быстрыхъ косматыхъ лошаденкахъ несутся намъ на встрѣчу жители кишлака, быстро соскакиваютъ съ сѣделъ и падаютъ ницъ, уткнувшись лицомъ въ снѣгъ.

По фарфоровому шарикѣ и пестрымъ лентамъ на малахаѣ я догадываюсь, что передъ нами представители мѣстной администраціи, божко или дзанга.

«Менде, ашіакъ!»

И только услышавъ ласковое привѣтствіе, дзанга поднимается, достаетъ изъ-за пазухи мѣхового халата голубой шелковый платокъ и съ низкимъ поклономъ протягиваетъ его ко мнѣ. Это «ходакъ»—приношеніе почетному, хоть и незваному гостю.

Сзади еще подходятъ люди; двое сойотъ волокутъ только-что заколотого барана—на снѣгу виднѣется кровавый слѣдъ.

«Вотъ намъ и порція!» смѣются развѣдчики. «А должно быть, пуда четыре будетъ въ немъ; вишь курдюкъ какъ волочится».

Еще къ вечеру я хотѣлъ попасть на заведеніе Бякова. Развѣдчиковъ я направилъ впередъ, наказавъ Васильеву устроиться на ночь получше. На заведеніи насъ долженъ былъ встрѣтить племянникъ Максима Ивановича и я надѣялся, что намъ будетъ оказано полное гостепрѣимство, какъ это обѣщаль Бяковъ.

Барана положили на сани; сойотамъ подарили по патрону, а дзангъ, не въ примѣръ прочимъ, цѣлую обойму.

Отрядъ двинулся въ путь, уже не по льду Кемчика, а санной до-

рогой по пологому правому берегу. Я оставилъ при себѣ солдата и татарина подводчика, знающаго съ грѣхомъ пополамъ сойотскій языкъ.

Бу кемъ ады чуль? (эта рѣка какъ называется).

Бу тахъ ады чуль? (эта гора какъ называется).

Максимъ байдженъ хай орухъ ики? (къ заведенію Максима какая дорога лучше).

Старикъ дзанга, своимъ сморщеннымъ, бабьимъ лицомъ сильно смахивающимъ на скопца, давалъ толковые и опредѣленные отвѣты.

Успѣлъ онъ намъ рассказать, что получено отъ нойона приказаніе, встрѣчать и кормить русскихъ солдатъ, помогать имъ дорогой, давать лошадей, если потребуютъ. На Джеуанѣ уже съѣхались чиновники со всѣхъ хошуновъ, прибылъ на дняхъ дзюрганъ и ему устроена юрта, вся увѣшанная шелками.

Стало темнѣть. Я спохватился, что развѣдчики уже далеко впереди, прекратилъ бесѣду и велѣлъ подводчику поскорѣе ѣхать.

Часа черезъ полтора скорой ѣзды послышался громкій лай собакъ. Замелькали ярко освѣщенные окна большой усадьбы, и у воротъ меня встрѣтилъ человекъ, отрекомендовавшійся племянникомъ Максима Ивановича.

«Пожалуйте! Васъ уже давно ждутъ! Проходите!»

Пройдя темныя сѣди и корридоръ, я попалъ въ свѣтлую большую комнату, уютно обставленную вѣнскою мебелью, съ гравюрами на выбѣленныхъ стѣнахъ.

Привѣтливо встрѣтила меня хозяйка, маленькая, миловидная брюнетка, въ нарядной кофточкѣ съ кокетливо подвязаннымъ бантомъ.

На большомъ столѣ бурлилъ никкелевый самоваръ, въ вазахъ и тарелочкахъ румянились пышныя булочки, алѣло варенье, красовались бутылки съ разноцвѣтными ярылками.

«Пожалуйте, раздѣвайтесь и садитесь, отогрѣю васъ чайкомъ!» щебетала хозяйка. «Писалъ намъ Максимъ Ивановичъ про васъ, еще вчера поджидали!».

Извиняясь за доставленное безпокойство, я просилъ хозяина показать мнѣ, какъ устроились солдаты.

«О, не безпокойтесь, они въ теплѣ и успѣли, вѣроятно, уже чайку попить!»

Тѣмъ не менѣе я заставилъ хозяина взять фонарь и показать мнѣ помѣщеніе, отведенное солдатамъ.

Оказалось, что имъ отвели какую-то постройку, не то баню, не то землянку на заднемъ дворѣ усадьбы. Открыли дверь и я съ тру-

дѣмъ пробрался въ полутемное помѣщеніе съ земляннымъ поломъ. Тускло краснѣли раскалившіяся стѣнки желѣзной печки. Дышать было трудно отъ ѣдкаго дыма и спертаго тяжелаго воздуха. Люди копошились вокругъ печки, просушивая онучи и валенки. Тутъ же разогрѣвали кипяткомъ, въ своихъ чайникахъ и походныхъ котелкахъ.

Я накинулся на Васильева.

— Задохнетесь вы въ этой ямѣ. Ужъ лучше бы на дворѣ, за костромъ устроиться! На зимовьяхъ и то было лучше!»

Васильевъ виноватымъ тономъ отрапортовалъ, что мнѣ отведено помѣщеніе у хозяевъ, а имъ указали «вотъ этотъ самый номеръ»—таковы были распоряженія хозяйки, не ожидавшей, молъ, прибытія цѣлаго отряда.

Вмѣстѣ съ хозяиномъ и Васильевымъ я вернулся въ домъ и попросилъ показать предназначенную мнѣ комнату.

Комната оказалась большой, просторной; мнѣ была приготовлена кровать съ теплымъ одѣяломъ и пуховыми подушками. Немедленно я приказалъ всѣмъ развѣдчикамъ перебраться въ отведенную мнѣ комнату.

Племянникъ Бякова, молодой человѣкъ со скуластымъ лицомъ, и узкими глазками сойотскаго типа, стоялъ у стѣны и безпомощно разводя руками, бормоталъ:

«Однако, ваше б-діе, зачѣмъ же солдатъ пущать въ чистую комнату... Мы для васъ старались, какъ могли! Опять же самоваръ простыль!»

Развѣдчики стали вносить въ комнату винтовки, сумки, вещевые мѣшки; разостлали шинели, полушубки, мою бурку. Принесли чайники съ кипяткомъ, котелки съ варевомъ изъ поднесеннаго намъ въ пути барана. Мнѣ подали зажаренныя на шомполѣ почки. Стало тепло и весело. Опять мы были всѣ вмѣстѣ, а недоумѣвающимъ хозяевамъ я объявилъ, что привыкъ дѣлать съ своими солдатами и голодъ, и холодъ, а пользоваться особымъ комфортомъ и питаться веренъемъ и печенъемъ отдѣльно отъ нихъ не могу.

На другой день къ Бякову съѣхались мѣстные русскіе торговцы, братья Никулины, Яковлевъ, Широковъ. Они рассказывали о пережитыхъ ими тревожныхъ дняхъ, когда сойоты, ломая заплоты и сбивая замки у амбаровъ, расхищали товары и имущество, угоняли скотъ, поджигали стога сѣна.

«Дѣтей и женщинъ мы спрятали въ подполья, вооруженные. чѣмъ попало, и были готовы защищаться до крайности. Ладно, нашлись еще разумные сойогишки, постояли и купцы китайскіе за

насъ—такъ, слава Богу, и обошлось безъ душегубства. А тутъ и войско послѣло, совсѣмъ легко стало.

Теперь уже сойоты раскаялись, кои товаръ и скотину обратно представляютъ, сами долги старые несутъ, объ одномъ только просятъ, какъ бы солдаты ваши не стали скотину убивать и юрты сжигать. Уйти, говорятъ намъ некуда, все равно и въ горахъ накроютъ. А вина, молъ, не наша, а все по приказанію нойона было. Очень даже покаялись. Разрѣшите солдатамъ побутылочкѣ коньяку».

Удивились купцы, что мы въ походѣ «вина не уважаемъ».

«А что касается вчерашняго недоразумѣнія, такъ Васька, племянникъ Максима Ивановича, сойотъ вѣдь, маменька покойная у нихъ сойотка здѣшняя. Съ него что взять, онъ и обращенія настоящаго не знаетъ. А солдаты ваши, сказать правду, тоже не безгрѣшны. Одинъ вотъ изъ нихъ вчера Анну Васильевну нехорошимъ словомъ обозвалъ».

Призвалъ Васильева и велѣлъ рассказать все, какъ было.

Конфузаясь по обыкновенію, Васильевъ доложилъ мнѣ, что, дѣйствительно, вчера хозяйка не особенно привѣтливо приняла солдатъ, не пускала ихъ въ комнаты—«половики загрязните»—пока, наконецъ, развѣдчикъ Лященко, выведенный изъ терпѣнія, не произнесъ довольно громко: «ишь ты, коровьи глазки, татаре и тѣ насъ лучше принимали!»

Тогда-то прекрасные каріе глазки, дѣйствительно, вспыхнули гнѣвнымъ огнемъ и люди, прямо съ похода и морозу попали въ темную, холодную землянку.

Лященкѣ, передъ выстроенной командой, было объявлено, что онъ, за невѣжливое обращеніе съ дамой, арестовывается на сутки, а такъ какъ мы въ походѣ, то замѣнъ ареста онъ не пойдетъ на Джеуанъ, а оставляется здѣсь, для охраны оставленнаго имущества.

Доложили, что пріѣхали изъ ставки нойона два чиновника, знатные и богатые сойоты, одинъ въ чинѣ туслагчи, другой—мэришъ. Я велѣнъ ихъ принять.

«Амурь-сайна! Менде!»

Отвѣшивая низкіе поклоны, но не простираясь по полу, какъ встрѣтившій насъ дорогой дзанга, въ комнату вошли чиновники.

«Менде! малъ менде дурбе!» (какъ вашъ скоть поживаетъ), встрѣтилъ я ихъ обычнымъ сойотскимъ привѣтствіемъ.

Б. Августусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).